

УДК 726

DOI: 10.34670/AR.2023.49.95.020

Эволюция традиционной буддийской архитектуры Китая: философско-культурологический анализ

Ли Цзяньфу

Аспирант,
Краснодарский государственный институт культуры,
преподаватель кафедры искусства и дизайна,
Университет Санмин,
14054, Китайская Народная Республика, Санмин;
e-mail: 929293285@qq.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению истоков, генезиса и развития традиционной буддийской архитектуры Китая. Указывается на то, что китайская метакультура прошла длительный путь самостоятельной эволюции и является уникальной по своей духовной сущности. Она имеет свою собственную духовную континуальность, что подтверждается современными историко-археологическими исследованиями. Вследствие разнообразных процессов гибридизации данная автохтонная метакультура постоянно обновлялась, что обусловило ее интегральный, синтетический характер. На протяжении всей своей истории архаичная китайская культура сохранила свое уникальное духовное ядро. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что истоками китайской архитектуры являются древние автохтонные культуры гоминид, подвергшиеся влиянию миграционных волн носителей индоевропейской курганной культуры, что нашло выражение в практике сооружения культовых буддийских архитектурных форм – ступ и пагод.

Для цитирования в научных исследованиях

Ли Ц. Эволюция традиционной буддийской архитектуры Китая: философско-культурологический анализ // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5А. С. 770-776. DOI: 10.34670/AR.2023.49.95.020

Ключевые слова

Архитектура, буддизм, индуизм, курганная культура, Китай, праиндоевропейцы, религия.

Введение

С точки зрения современной антропологии культуры Восточной и Юго-Восточной Азии (в частности Китая) имеют собственные уникальные черты, ставшие базой или метакультурой для интеграции последующих привнесенных технологий и культур эпохи антропогенеза.

Можно с уверенностью сказать, что культура людей современного анатомического типа в Восточной и Юго-Восточной Азии прошла путь самостоятельного и самодостаточного развития, является уникальной по своей сущности и имеющей практически непрерывную преемственность, основанную на самобытных в своих истоках позднепалеолитических традициях. Эволюция палеолитической культуры Восточной и Юго-Восточной Азии имеет два модуса: автохтонный эректоидный и автохтонный денисовский. Однако ввиду регулярной и многочисленной гибридизации эта самобытная культура подвергалась постоянному подновлению, что обусловило ее синтетический по своему выражению в объектах материальной культуры характер. Из этого следует, что древняя в своих истоках самобытная (эректоидная) культура стала выполнять функцию метакультуры. Иными словами, архаичная и традиционная китайская культура, сформировавшаяся в Восточной и Юго-Восточной Азии, на протяжении своей истории имела различные моменты становления, однако ее духовное содержание оставалось практически неизменным. Это отчетливо видно на примере остатков жилищ позднепалеолитической культуры, которая, как показано выше, является симбиозом двух древних автохтонных культур. Жилищами этого периода в Восточной и Юго-Восточной Азии были полужемлянки с расположенными рядом ямами для хранения мяса, которые, вероятно, и стали прототипом для создания погребальных курганов, поскольку в основе похоронной практики также лежит идея сохранения тела, подконтрольное недопущение его порчи или утраты.

Данные показывают, что миграция индоевропейцев была крупномасштабным событием, что характерно именно для военизированного вторжения. Можно заключить, что их культура стала доминирующей и поглотила местные культуры.

Подтверждением того, что древняя местная автохтонная культура подверглась влиянию индоевропейской ямно-курганной культуры, принесенной на территорию Китая около 2000-1500 лет до н. э., являются и археологические находки курганов, хронологически относимые к этому периоду. Для антропологии и культурологии это значит, что самобытная архаичная культура жителей Восточной Азии подверглась влиянию ямно-курганной культуры индоевропейского происхождения и вступила с ней синтез.

Именно к этому неолитическому периоду, когда происходило разложение первобытнообщинного строя, возникли классовое общество и древнейшие государства (II тысячелетие до н. э.), кочевое население сменилось оседлым. Как известно, к этому периоду относятся наиболее ранние сведения о памятниках зодчества Китая (III – начало II тысячелетия до н. э.), подвергшихся влиянию культуры индоевропейских мигрантов.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время трудно показать последовательную картину развития традиционной архитектуры Китая до танского времени. Самой старой постройкой из дерева, которая сохранилась в первоначальном виде, является Пагода Шакьямуни (провинция Шаньси, около 1056 г.).

Известны руины и гробницы династий Цинь (221-206 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Об архитектуре Хань можно узнать из исторических писаний и стихотворений фу. Именно эти сооружения периода неолита являются круглыми в плане, покрытыми ветвями и травой полужемлянками каркасно-стоечной конструкции. Более полное представление о неолитической культуре дает обнаруженное городище в деревне Баньпо вблизи города Сианя, расположенное на берегу реки Чань. Остатки 40 жилищ имеют прямоугольную, квадратную и круглую форму плана. Выделяется наиболее крупное здание (12,5×20 м), которое служило для собрания членов рода или было жилищем вождя племени.

Вехой в истории архитектуры Китая являются реформы Цинь Шихуанди («Первый Суверенный Император Цинь», 245-210 гг. до н. э.), который объединил многие стены северного Китая в архитектурную сеть барьеров и маяков для быстрой связи (Великая Китайская стена).

В архитектуре Шихуанди видны тенденции праиндоевропейской культуры, не свойственные династиям Шан (Инь) или ранней Чжоу. Судя по изображениям зданий на гадальных костях, дворцы имели двускатную высокую крышу с фронтонами на торцах. В фундаменте храма предков были обнаружены скелеты захороненных людей. Эти фрагментарные сведения позволяют воссоздать общую композиционную схему здания периода Шан Инь, на основе которой сложились последующие классические архитектурные традиции.

Гробница Шихуанди имела мавзолей, увенчанный искусственным курганом высотой около 43 м (141 фут). Этот курган был в форме трехслойной усеченной пирамиды, символизирующей небо, человека и землю. Традиционные ритуальные ценности, заложенные в основу гробницы Шихуанди, были преобразованы в символическую архитектуру династией Хань. Образцовым памятником этого периода является Зал света, или Минтан (明堂). Главной характеристикой его планировочной структуры было скрытое в ней богатое символическое содержание, которое ассоциировалось с императором и его властью, обусловленной порядками Неба. Стремясь подчеркнуть легитимность и преемственность своей власти перед Небом (историческую закономерность), каждая династия начинала свое правление с сооружения своего минтана. Это сделало минтан универсальным и сакральным символом. Поскольку доминирующими системами мысли в то время были конфуцианство и даосизм, воспевающие древность, главным достоинством в искусстве считалось повторение работы старых мастеров (верность традиции). Несмотря на всю значимость постройки, в древних трактатах структура минтана была описана недостаточно подробно. Различные интерпретации описания порождали различные композиции, о чем свидетельствуют как археологические находки, так и тексты летописей. Минтан оставался важнейшим культовым сооружением в Китае вплоть до конца XIII в. Могилы ханьских императоров были заключены в гигантские земляные курганы. Гробницы были многослойными (комната в комнате), в центре располагался лакированный гроб, позволяя максимально замедлить тление тела (гробницы семьи губернатора Чанши, 168 г. до н. э.). Вероятно, это обусловлено представлениями о воскрешении мертвых, возобновлении жизни. Поскольку тело императора – наместника Неба – считалось главным сокровищем, то храмы-дворцы и усыпальницы, имеющие в своей основе прототип минтана, стали называться бао-та (寶塔), т. е. «башня сокровищ», а в португальском произношении – «пагода».

Эта же курганная погребальная культура праиндоевропейцев через погребальную культуру Древней Индии дала начало и получила дальнейшее развитие в буддийской архитектуре, поскольку буддизм изначально являлся реформатским движением брахманизма в Индии. В

Древней Индии усыпальницы назывались ступами (स्तूप, т. е. «макушка», «узел из волос», «верхняя часть головы» или «куча камней и земли»), и их происхождение относится к могильным курганам индоевропейцев. Согласно древним представлениям, следы которых остались в Ведах, в Древней Индии тела покойников сжигали. Несгоревшие остатки тела собирали и предавали погребению или располагали в культовом месте, а место хранения останков помечали грудой камней и земли, что отражено в этимологии слова «ступа».

Особое значение культовые надмогильные сооружения приобретают после смерти духовного учителя, легендарного основателя буддизма Гаутамы Будды в 544 г. до н. э. Буддийское предание гласит, что, когда родился принц Гаутама из рода Шакья (Будда), его отец по древнему обычаю в честь этого события воздвиг четыре ступы. Также в Махапаринирване описывается, как Ананда, ученик Будды, спросил, как они должны поступить с телом учителя после его ухода. Будда ответил, что с ним нужно поступить так же, как и с останками правителей того времени, т. е. поместить пепел сожженного тела в ступу. Таким образом, Будда перенял обычный тогда ритуал захоронения, но придал добуддийской ступе базово новые значения «основа для подношений» и «реликварий». Главное значение ступы – это символ Просветления, которому можно делать подношения и таким образом собирать так называемую «заслугу» – позитивные отпечатки в уме.

Изначально буддийский монастырь почти всегда был высечен в массиве скалы. Вокруг буддийского храма почти всегда группируются монастырские кельи; часто монастырь располагается независимо от храма. Ступы часто устанавливались на пути к храму для паломников или на пути от кельи к келье для того, чтобы монахи, жившие в отдалении, могли не заблудиться и при необходимости друг друга найти.

При царе Ашоке (273-236 гг. или 232 г. до н. э.) из династии Маурья, который покровительствовал распространению буддизма на подконтрольных его империи территориях, воздвижение ступ стало повсеместной практикой. С проникновением буддизма в разные страны значение и символика ступ значительно изменились, и они стали отражать буддистские идеи и философию.

В традиции Тхеравады (южный буддизм) под ступой понимают хранилище реликвий исторического Будды Шакьямуни. В школах Махаяны («Великий путь») в ступы добавляются изображения будд или бодхисаттв, и ступа символизирует зеркало для природы ума. Мастера Ваджраяны («Алмазный путь»), кроме того, подчеркивают значение отдельных элементов, пропорций и глубокую, разностороннюю символику ступ. Несмотря на то, что каждая буддийская традиция выдвигает на передний план разные методы, формы и объяснения, ступа для всех является действенным символом Просветления, который благодаря накоплению позитивных впечатлений становится причиной счастья и мира во всем мире.

Со временем ступа стала не только местом поклонения Будде как таковому, но также стала выполнять функцию храма. Обусловлено это тем, что в Китае ступа трансформировалась, приняла форму пагоды и стала играть ее роль (хотя и ступы в традиционном понимании в Китае тоже встречаются). Также ступы стали сооружаться как памятники в честь того или иного деятеля буддизма. Существуют и так называемые сутрические ступы, связанные с деятельностью Будды. Самыми знаменитыми являются ступы в Санчи (III-I вв. до н. э.) и в Бархуте (IV-III вв. до н. э.).

Как отмечалось, с приходом буддизма в Китай традиционная пагода просто слилась со ступой и стала играть ее роль. Ступу в форме пагоды из Китая заимствовали и окружающие его страны – Корея, Япония, Вьетнам. Иногда строят «упрощенные» ступы, не соответствующие

всем канонам. Как правило, они небольшого размера и даже не всегда имеют традиционный шпиль.

Заключение

Китайская метакультура прошла длительный путь самостоятельной эволюции и является уникальной по своей духовной сущности. Она имеет свою собственную духовную континуальность, что подтверждается современными историко-археологическими исследованиями. В связи с разнообразными процессами гибридизации, данная автохтонная метакультура постоянно обновлялась, что обусловило ее интегральный, синтетический характер. На протяжении всей своей истории архаичная китайская культура сохранила свое уникальное духовное ядро, свидетельством чего стала традиционная буддийская архитектура, наиболее ярко выразившаяся в практике сооружения ступ и пагод.

Библиография

1. Андреева Е.М. История и культура индийского храма. М.: Ганга, 2021. Кн. I. 640 с.
2. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. 416 с.
3. Bai F., Zhang X., Ji X., Cao P., Feng X., Yang R., Peng M., Pei S., Fu Q. Paleolithic genetic link between Southern China and Mainland Southeast Asia revealed by ancient mitochondrial genomes // *Journal of human genetics*. 2020. Vol. 65. P. 1125-1128.
4. Browning S.R., Browning B.L., Zhou Y., Tucci S., Akey J.M. Analysis of human sequence data reveals two pulses of archaic Denisovan admixture // *Cell*. 2018. Vol. 173. No. 1. URL: [https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674\(18\)301752?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS0092867418301752%3Fshowall%3Dtrue](https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674(18)301752?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS0092867418301752%3Fshowall%3Dtrue)
5. Enard D., Petrov D.A. Evidence that RNA viruses drove adaptive introgression between Neanderthals and modern humans // *Cell*. 2018. Vol. 175. No. 2. URL: [https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674\(18\)31095X?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS009286741831095X%3Fshowall%3Dtrue](https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674(18)31095X?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS009286741831095X%3Fshowall%3Dtrue)
6. Papanicolaou G.A., Lawson D.J., Jagoda E., Mörseburg A., Eriksson A., Mitt M., Clemente F., Hudjashov G., DeGiorgio M., Saag L., Wall J.D., Cardona A., Mägi R., Wilson Sayres M.A., Kaewert S., Inchley C., Scheib C.L., Järve M., Karmin M., Jacobs G.S., Antao T., Iliescu F.M., Kushniarevich A., Ayub Q., Tyler-Smith C., Xue Y., Yunusbayev B., Tambets K., Basu Mallick C., Saag L., Pocheshkhova E., Andriadze G., Muller C., Westaway M.C., Lambert D.M., Zoraqi G., Turdikulova S., Dalimova D., Sabitov Z., Sultana G.N.N., Lachance J., Tishkoff S., Momyaliev K., Isakova J., Damba L.D., Gubina M., Nymadawa P., Evseeva I., Atramentova L., Utevska O., Ricaut F.-X., Brucato N., Sudoyo H., Letellier T., Cox M.P., Barashkov N.A., Škaro V., Mulahasanovic L., Primorac D., Sahakyan H., Mormina M., Eichstaedt C.A., Lichman D.V., Abdullah S., Chaubey G., Wee J.T.S., Mihailov E., Karunas A., Litvinov S., Khusainova R., Ekomasova N., Akhmetova V., Khidiyatova I., Marjanović D., Yepiskoposyan L., Behar D.M., Balanovska E., Metspalu A., Derenko M., Malyarchuk B., Voevoda M., Fedorova S.A., Osipova L.P., Mirazón Lahr M., Gerbault P., Leavesley M., Migliano A.B., Petraglia M., Balanovsky O., Khusnutdinova E.K., Metspalu E., Thomas M.G., Manica A., Nielsen R., Villems R., Willerslev E., Kivisild T., Metspalu M. Genomic analyses inform on migration events during the peopling of Eurasia // *Nature*. 2016. Vol. 538. P. 238-242.
7. Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Mirazon Lahr M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. 2019. Vol. 570. P. 182-188.
8. Villanea F.A., Schraiber J.G. Multiple episodes of interbreeding between Neanderthal and modern humans // *Nature ecology and evolution*. 2019. Vol. 3. P. 39-44.
9. Wang T., Wang W., Xie G., Li Z., Fan X., Yang Q., Wu X., Cao P., Liu Y., Yang R., Liu F., Dai Q., Feng X., Wu X., Qin L., Li F., Ping W., Zhang L., Zhang M., Liu Y., Chen X., Zhang D., Zhou Z., Wu Y., Shafiey H., Gao X., Curnoe D., Mao X., Bennett E.A., Ji X., Yang M.A., Fu Q. Human population history at the crossroads of East and

The evolution of traditional Buddhist architecture in China: philosophical and culturological analysis

Li Jianfu

Postgraduate,
Krasnodar State Institute of Culture,
Lecturer at the Department of art and design,
Sanming University,
14054, Sanming, People's Republic of China;
e-mail: 929293285@qq.com

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the origins, genesis and some key stages of the development of traditional Chinese Buddhist architecture. It points out that Chinese metaculture has passed a long way of independent evolution, has its own spiritual continuity and is unique in its spiritual essence. The scientific relevance of the problem under study lies in the need to reveal the historical and cultural uniqueness of the phenomenon of Chinese architecture in general and its Buddhist component in particular. The novelty of the results obtained by the author of the article is determined by the conceptual position that Chinese architecture is based on ancient autochthonous cultures influenced by the Kurgan culture. This influence is reflected in the practice of constructing such Buddhist architectural forms as stupas and pagodas. Over time, the stupa became not only a place of worship, but also began to function as a temple. Then the stupa transformed, took the form of a pagoda and began to play its role (although stupas in the traditional sense are also found in China). Stupas began to be built as monuments in honor of notable Buddhists. There are also so-called Buddhist stupas associated with the activities of the Buddha.

For citation

Li J. (2022) Evolyutsiya traditsionnoi buddiiskoi arkhitektury Kitaya: filosofsko-kul'turologicheskii analiz [The evolution of traditional Buddhist architecture in China: philosophical and culturological analysis]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (5A), pp. 770-776. DOI: 10.34670/AR.2023.49.95.020

Keywords

Architecture, Buddhism, Hinduism, Kurgan culture, China, Proto-Indo-Europeans, religion.

References

1. Andreeva E.M. (2021) *Istoriya i kul'tura indiiskogo khrama* [The history and culture of Indian temples], Book 1. Moscow: Ganga Publ.
2. Bai F., Zhang X., Ji X., Cao P., Feng X., Yang R., Peng M., Pei S., Fu Q. (2020) Paleolithic genetic link between Southern China and Mainland Southeast Asia revealed by ancient mitochondrial genomes. *Journal of human genetics*, 65, pp. 1125-1128.

3. Browning S.R., Browning B.L., Zhou Y., Tucci S., Akey J.M. (2018) Analysis of human sequence data reveals two pulses of archaic Denisovan admixture. *Cell*, 173 (1). Available at: [https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674\(18\)301752?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS0092867418301752%3Fshowall%3Dtrue](https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674(18)301752?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS0092867418301752%3Fshowall%3Dtrue) [Accessed 06/09/22].
4. Enard D., Petrov D.A. (2018) Evidence that RNA viruses drove adaptive introgression between Neanderthals and modern humans. *Cell*, 175 (2). Available at: [https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674\(18\)31095X?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS009286741831095X%3Fshowall%3Dtrue](https://www.cell.com/cell/fulltext/S00928674(18)31095X?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS009286741831095X%3Fshowall%3Dtrue) [Accessed 06/09/22].
5. Kravtsova M.E. (1999) *Istoriya kul'tury Kitaya* [A history of Chinese culture]. St. Petersburg: Lan' Publ.
6. Pagani L., Lawson D.J., Jagoda E., Mörseburg A., Eriksson A., Mitt M., Clemente F., Hudjashov G., DeGiorgio M., Saag L., Wall J.D., Cardona A., Mägi R., Wilson Sayres M.A., Kaewert S., Inchley C., Scheib C.L., Järve M., Karmin M., Jacobs G.S., Antao T., Iliescu F.M., Kushniarevich A., Ayub Q., Tyler-Smith C., Xue Y., Yunusbayev B., Tambets K., Basu Mallick C., Saag L., Pocheshkhova E., Andriadze G., Muller C., Westaway M.C., Lambert D.M., Zoraqi G., Turdikulova S., Dalimova D., Sabitov Z., Sultana G.N.N., Lachance J., Tishkoff S., Momynaliev K., Isakova J., Damba L.D., Gubina M., Nymadawa P., Evseeva I., Atramentova L., Utevska O., Ricaut F.-X., Brucato N., Sudoyo H., Letellier T., Cox M.P., Barashkov N.A., Škaro V., Mulahasanovic L., Primorac D., Sahakyan H., Mormina M., Eichstaedt C.A., Lichman D.V., Abdullah S., Chaubey G., Wee J.T.S., Mihailov E., Karunas A., Litvinov S., Khusainova R., Ekomasova N., Akhmetova V., Khidiyatova I., Marjanović D., Yepiskoposyan L., Behar D.M., Balanovska E., Metspalu A., Derenko M., Malyarchuk B., Voevoda M., Fedorova S.A., Osipova L.P., Mirazón Lahr M., Gerbault P., Leavesley M., Migliano A.B., Petraglia M., Balanovsky O., Khusnutdinova E.K., Metspalu E., Thomas M.G., Manica A., Nielsen R., Vilems R., Willerslev E., Kivisild T., Metspalu M. (2016) Genomic analyses inform on migration events during the peopling of Eurasia. *Nature*, 538, pp. 238-242.
7. Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Mirazon Lahr M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Excoffier L., Willerslev E. (2019) The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*, 570, pp. 182-188.
8. Villanea F.A., Schraiber J.G. (2019) Multiple episodes of interbreeding between Neanderthal and modern humans. *Nature ecology and evolution*, 3, pp. 39-44.
9. Wang T., Wang W., Xie G., Li Z., Fan X., Yang Q., Wu X., Cao P., Liu Y., Yang R., Liu F., Dai Q., Feng X., Wu X., Qin L., Li F., Ping W., Zhang L., Zhang M., Liu Y., Chen X., Zhang D., Zhou Z., Wu Y., Shafiey H., Gao X., Curnoe D., Mao X., Bennett E.A., Ji X., Yang M.A., Fu Q. (2021) Human population history at the crossroads of East and Southeast Asia since 11,000 years ago. *Cell*, 184 (14). Available at: [https://www.cell.com/cell/pdf/S0092-8674\(21\)00635-8.pdf](https://www.cell.com/cell/pdf/S0092-8674(21)00635-8.pdf) [Accessed 06/09/22].